

Человек по Кубрику

Состоялась мировая премьера фильма

«Широко закрытые глаза»

Общая газета. — 1999.
— 22-28 июля. — с. 10

В ЮНОСТИ у Кубрика были права пилота-любителя. Однажды он забыл нажать на нужный рычаг и чуть не врезался в стену ангара. Инцидент привел его в ужас. Уже тогда Кубрик был одержим порядком. Но если даже он смог ошибиться, то чего ждать от других? Больше Кубрик на самолетах не летал. А со временем, перебравшись в Англию, вообще не покидал дома. (Действие его последнего фильма происходит в родном для режиссера Нью-Йорке, но съемки велись в английских павильонах.)

Фобия Кубрика определила тему его кино — конфликт хаоса с порядком, в том числе — ущербного человека с безотказной машиной. Об этом должен был рассказать фильм, который Кубрик не успел снять — фантастическая притча о роботах, унаследовавших нашу планету. В сущности, это — тот же сюжет, что и в его знаменитой антивоенной комедии «Доктор Стрэнжлав» (1964), где мир уничтожает отданная на откуп генералам техника. Режиссер послевоенного поколения, впитавший в себя все комплексы Холодной войны, Стэнли Кубрик никогда не доверял завтрашнему дню, каждый кадр у него сочился апокалиптической тревогой.

Лучше всего эти ощущения

переданы в антиутопии «Заводной апельсин», где решается тема неизбежной и необходимой симметрии добра и зла. Герой «Апельсина», меломан-насильник, школьник-садист — мрачный итог нашей культуры. Воврав в себя все ее противоречия, он стал исчадием ада. Однако наказание в фильме страшнее преступления. Финал «Заводного апельсина» как мораль притчи: добро не может обойтись без зла, как страница без изнанки.

Кубрик мыслил антитезами, но трактовал их как полюса.

После «Апельсина» режиссера не без основания сочли мизантропом. Его не устраивал человек как таковой. В самой нашей природе заложен неисправимый дефект, известный также под именем первородного греха. Нас губит то, считал Кубрик, что отличает от машин: дремучая глубина подсознания. Поэтому грядущее принадлежит умным машинам, которым мы же и дадим разум, заменяющий инстинкты. Что касается человека, то он, лишенный шансов выстоять в борьбе с самим собой, обречен бродить в сумерках, путаясь со сном, бред с действительностью, жизнь с кошмаром.

Именно это и делает в фильме «Широко закрытые глаза» самая красивая супружеская пара Голливуда.

Сюжет картины добротной воспроизводит ее источник — повесть венского писателя Артура Шницлера «Рапсодия. Роман-сновидение» (1926). Преуспевающий врач (Том Круз) и добродетельная красавица-жена (Николь Кидман), которая признается мужу в том, что мечтала отдалиться случайно встреченному офицеру. Узвзленный герой, мучаясь ревностью, втягивается в опасное приключение — становится свидетелем тайной оргии, что грозит ему смертью. Впрочем, к концу все обошлось. Это — своего рода «роман воспитания». В нем не умирают, не расстаются, а взрослеют: делясь сексуальными фантазиями, герои открывают для себя пугающую тайну — бездонность и безбрежность пола. Мы прощаемся с героями в тот момент, когда они направляются в спальню. Там, широко закрыв глаза, они собираются укрепить пошатнувшийся союз воображением, способным и моногамию превратить в свальный грех.

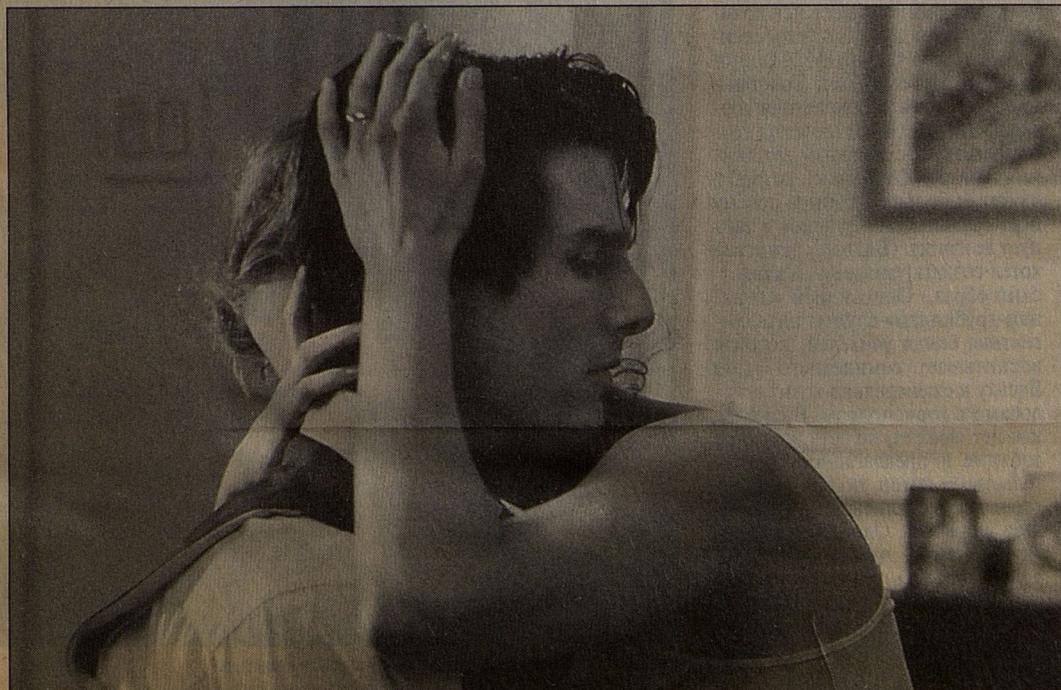
Взявшись за этот сюжет, слегка напоминающий триллер для горничных, Кубрик вписал в него миф о сексе как о безумной, жестокой, безразличной и непобедимой стихии, которая топчет в себе рациональные ростки цивилизации. Эту мысль, равно модную и в начале, и в

конце нашего века, иллюстрирует центральная сцена фильма — маскарад-оргия в притоне для высокопоставленных особ. (Об этом 65-секундном эпизоде лучше судить по другую сторону Атлантики, ибо в американскую версию картины вклеили специальную фигуру, целомудренно заслоняющую стратегически важные части экрана.) Секс в масках — центральная метафора фильма. Анонимный, бездушный, животный ритуал описывает «человека по Кубрику»: лицемерие покупает нам мир и покой, но счастье стоит дороже — за него платят сознанием, личностью, жизнью, в конечном счете — будущим нашей безрасудной расы.

Таким фильм мог быть, если бы он вышел, каким задумывался. Однако большая мысль Кубрика просто не поместилась в камерный сюжет картины — его явно не хватает на 180 минут экранного времени. Значительную часть этого немалого срока герои входят и выходят, ни разу не забыв закрыть дверей. Дефицит содержания компенсируется избытком формы. Картина беременна многозначительностью. Она прогибается под собственной тяжестью. Мучительно медленно, со всеми подробностями нам показывают псевдо-нью-йоркские улицы, подъезды, интерьеры, стены, картины (последние оправдывает лишь то, что они написаны женой режиссера). Настойчиво обыгрываются цветовые эффекты — тревожные оттенки бордового, траурный колорит пурпура, домашний свет янтаря. Каждый кадр обставлен добротной «бидермайеровской» мебелью и освещен лампами Тиффани. Параноидальная тщательность производит впечатление стилизации, но — не известно под что. Это — копия с утраченного, а может, и не существовавшего оригинала.

У каждого автора, говорил Борхес, есть страница, написанная с таким сверхъестественным усердием, что она выходит хуже остальных. К своему последнему фильму Кубрик готовился четверть века. Он хотел снять совершенный фильм о несовершенстве нашей природы. К несчастью, не получилось ни того, ни другого: засушенный букет искусственных цветов.

Александр ГЕНИС
Нью-Йорк

Счастливые супруги по жизни Том Круз и Николь Кидман в фильме играют пару, переживающую кризис супружеских отношений